

М. А. БОРОДИНА

АРЕАЛОГИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1. **Определение ареалогии**¹. Под ареалогией понимается область лингвистических исследований, связанных с закономерностями пространственного расположения языковых явлений, и те гипотезы, которые вытекают из этих закономерностей.

2. **Объект исследования.** Ареалогия как составная часть языкознания имеет свой объект исследования — ареал, который определяется местоположением и конфигурацией зоны бытования отдельных лингвистических явлений или их совокупности в изучаемой системе говора, диалекта, языка, группы языков. Ареал — это пространственно-временная лингвистическая единица, обусловленная как лингвистическими, так и внелингвистическими факторами (см. подробнее разд. 10 и 11) и противопоставленная окружающим ареалам. Говоря об ареалах, мы имеем в виду обобщенно-географическую проекцию ареала, которую условно называем термином «ареал» (см. ниже карты и их интерпретацию, разд. 11.2).

Ареалогия исследует как современное синхронное состояние языка, обнаруживая в нем разные исторические срезы, вплоть до самых глубоких, так и диахронию (праславянское или праиндоевропейское состояние)². Однако в большей мере, с большей эффективностью, ареалогия применяется при исследовании современного среза, чему способствует и резко увеличивающееся количество лингвистических атласов.

3. **Область исследования.** Выработанные к настоящему времени приемы и методы ареалогии исторически складывались на материале индоевропейских языков, в частности, большую роль сыграла романская лингвогеография, основоположником которой, как известно, был Ж. Жильерон. Наряду с этим принципы ареалогии могут быть применены и для других групп языков, в том числе для бесписьменных и младописьменных языков, диалектные и ареальные особенности которых являются единственным источником реконструкции их прошлого состояния.

4. **Диалектология. Лингвогеография. Ареалогия.** Диалектологические, лингвогеографические и ареалогические исследования являются тремя последовательными ступенями развития ареальных исследований. Лингвогеография в качестве методики и теории создания и чтения атласов возникла на базе полевой диалектологии, имея

¹ Термин «ареалогия» в языкознании был впервые применен Ж. Сеги в 1956 г.: J. Séguy, Les cartes auxiliaires de l'Atlas linguistique et ethnographique de la Gascogne. Essai d'aréologie méthodique, «Via Domitia», III, Toulouse, 1956. См. также: Н.-Е. Келлер, La linguistique occitane aujourd'hui et demain, RLR, 34, № 135—136, 1970, стр. 267 и 269.

² Именно этим термин «ареалогия» отличается от близкого по содержанию термина «ареальная лингвистика», под которым в индоевропейистике понимается изучение древних ареалов на основании современного распространения языковых явлений (А. Мейе, Э. А. Макаев, Д. И. Эдельман и др.). В истории языкознания термин «ареальная лингвистика» связан со школой М. Бартоли — Дж. Бонфанте (см. ниже стр. 50—51).

с ней единый объект исследования — исторические и современные диалекты. Эти области весьма отличны по источникам, методам, целям и результатам исследования³, тем не менее, лингвогеография сохраняет связь с диалектологией.

Первоначально лингвогеография возникла как новый метод лингвистических (диалектологических) исследований, дополнявший, а частично и противопоставлявший себя сравнительно-историческому методу. Довольно скоро обнаружилась тенденция к обособлению этого метода в самостоятельную дисциплину. Если еще лет десять-пятнадцать тому назад выделение лингвистической географии в некий самостоятельный домен вызывало подчас оживленные дискуссии, то сейчас различие этих понятий почти общепринято. Неустойчивое отношение к толкованию терминов «диалектология», «лингвогеография» отразилось, например, в книге Й. Йордана «Романское языкознание». С одной стороны, автор определяет свое отношение к лингвистической географии как к лингвистическому методу или направлению, а не науке⁴. С другой стороны, рассматривая творческий путь Ж. Жильерона от составления атласа до его интерпретации, Й. Йордан утверждает, что прочтение и интерпретация записи на картах дали возможность постепенно проследить во всех ее предшествующих фазах зафиксированную неподвижно на картах жизнь языка. Это показывает, как и на какой основе сложилось нынешнее положение вещей. Только после всего этого, пишет Й. Йордан, «можно говорить о новой дисциплине, называющейся „лингвистическая география“»⁵.

Все же вряд ли целесообразно видеть в лингвистической географии и диалектологии две самостоятельные дисциплины⁶ — разграничение происходит лишь при включении лингвогеографического материала в один из уровней ареальных исследований. В диалектологии функциональны только локальные различия. В ареалогии лингвистическое пространство выступает в наиболее цельном и обобщенном виде, выявляя действующие структуры общеязыкового значения.

5. Языковые явления территориальные и надтерриториальные. Далеко не все явления могут быть охвачены ареальными исследованиями, хотя язык через его носителя — человека — исконно связан с территорией (страной, областью, провинцией). Пониманию языка как «территориального» явления вполне правомерно стало противопоставляться понятие «надтерриториальный» язык. «Надтерриториальность» характерна для национальных литературных языков и прежде всего для тех, которые имеют международное значение.

В понятие ареала входят те факты, которые непосредственно связаны с территориальным распространением: это диалектные явления в их лингвогеографической интерпретации, региональные особенности речи, одним из компонентов которых являются языковые реликты, а также диалектные и региональные особенности в их соотношении с литературным языком, например, пути проникновения «литературных волн».

³ См. подробнее: М. А. Б о р о д и н а. Лингвистическая география и диалектология. Опыт разграничения лингвистических дисциплин, сб. «Omăgiu lui Alexandru Rosetti», București, 1965.

⁴ См.: Й. Й о р д а н, Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы, М., 1971, стр. 217.

⁵ Там же, стр. 229.

⁶ Здесь я вступаю в противоречие с ранее высказанными мыслями, см., в частности: М. А. Б о р о д и н а, указ. соч., стр. 79—82. Однако, если диалектология и ареалогия различаются по объекту исследования и уровням обобщения лингвогеографического материала, то лингвогеография не может быть противопоставлена ни первой, ни второй области исследований, являясь для них общим, и, пожалуй, основным источником сведений.

При учете того, что явления языка могут быть территориальными и надтерриториальными, следует признать, что существует немало фактов, которые имеют свободное распространение, не поддающееся ареальному изучению. Не нуждаются в нем явления литературного языка (к примеру — территория распространения французского литературного языка), в то время как некоторые явления диалектной и региональной речи не поддаются ареальному изучению (см. на карте ЛАФ № 594 перемежающееся распространение лексем *bois* и *forêt*).

6. О терминологии и понятиях ареалологии. Ареалогические исследования оперируют свойственной им системой понятий и терминов. Ареал — явление сложное и многообразное, его структура разнообразна и подчас весьма причудлива. Ареал — это родовой термин, который уточняется в зависимости от его местоположения и формы (конфигурации). По содержанию ареал может быть реликтовым, архаичным или инновационным и т. д.; по местоположению и форме — островным, маргинальным, подковообразным, клинообразным и т. д. Ареал относится к явлениям разных уровней — фонетике (фонологии), морфологии, лексике, семантике. Он может быть разного «возраста»⁷ и разной «плотности» (интенсивности явления)⁸.

Обязательной составляющей ареала является изоглосса (изолиния), которая ограничивает его от остальной территории. Иногда термин «изоглосса» употребляется только для выделения лексических явлений, как термин, параллельный возникшим позднее по аналогии с ним терминам: изофона, изоморфа, изосема. Отсутствие аналогичного термина для синтаксических явлений связано с тем, что синтаксис в наименьшей степени поддается картографированию и ареальной обработке (преимущественно в небольших отрезках речи).

Отсутствие термина «изолекса» и двусмысленность термина изоглосса (изолиния в широком смысле слова и изолиния, выделяющая лексические явления) приводит исследователей к употреблению термина «лексическая изоглосса». Как правило, изоглосса очерчивает ареал, но этот термин может также иметь значение линии, являющейся условным разделом двух территорий, характеризующихся разными лингвистическими признаками. Именно в этом значении он часто употребляется в диалектологических работах, которые либо не связаны непосредственно с лингвогеографическими источниками, либо в которых изучаются глубинные периоды формирования современных языков⁹. Таким образом, можно было бы говорить об «ареальных лексических изоглоссах»¹⁰ (соответственно: об ареальных фонетических, морфологических изоглоссах) и об «разделяющих изоглоссах» (лексических, фонетических, морфологических).

Изоглосса обладает рядом отличительных признаков. Она может окружать ареал сплошной линией или частично ограничивать его от соседнего ареала. Изоглосса может быть прервана в случае вклинивания на небольшом участке другого ареала. Она может соответствовать одному

⁷ См.: М. А. Borodina, Bestimmung des Alters lexikalischer Isoglossen, «Zeitschr. für Mundartforschung», Beihefte, Neue Folge, 3, 4, 1968.

⁸ Существующую систему терминов ареалологии см. в кн.: «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии», Л., 1974 (далее — ПКАЭ), стр. 307—312 — предметный указатель, составленный Н. Л. Сухачевым; здесь мы ограничимся сказанным о ключевых терминах «ареал» и «изоглосса».

⁹ См., например: Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк, Л., 1972, стр. 630, 631, 632 и сл.

¹⁰ Г. Ф. Благова, О межтюркских языковых контактах, «Народы Азии и Африки», 1962, 2, стр. 158.

явлению или целой совокупности явлений. Изоглосса может быть динамичной (однонаправленной, разнонаправленной) и статичной. Более того, для одного и того же ареала изоглосса может быть проведена по-разному, в зависимости от того, что хочет подчеркнуть исследователь (например, цельность ареала или его размытость). Таким образом, изоглосса — это не просто линия, ограничивающая то или иное пространство, подобно тому как ареал — не просто любая часть территории. Это становится особенно очевидным, когда речь идет о позитивных и негативных изоглоссах: позитивные изоглоссы выделяют диалектное явление как таковое, негативные же характеризуют границы диалекта, обычно размытого литературными волнами (по признакам соседних диалектов) ¹¹.

7. Источники ареалогии. Источниками ареалогии могут быть любые локализованные и датированные данные, собранные в лингвистических атласах и адекватных им источниках: текст в определенном временном и пространственном расположении, словари с указанием времени и места появления или употребления слова, табличные материалы. Большое значение имеет знание особенностей региональной речи. Вспомогательные источники — карты распространения языков и народов, политико-административные карты, исторические атласы или отдельные сведения об исторических границах. Немалое значение имеет точная осведомленность о рельефе и истории местности, знание элементов материальной и духовной культуры.

8. Связь ареалогии с пространственной лингвистикой и с соссюрвскими концепциями. Современная ареалогия имеет своим прототипом пространственную лингвистику известных итальянских исследователей М. Бартоли, Дж. Бертони и Дж. Бонфанте, наметивших лишь в самых общих чертах ее сущность. Известный труд М. Бартоли был издан в 1925 г. ¹², когда, кроме Лингвистического атласа Франции и немногочисленных других менее значительных работ, в этой области еще ничего не было сделано. Соответственно авторы работ о пространственной лингвистике могли лишь предвидеть развитие этой области языкознания, не имея еще того огромного диалектного и лингвогеографического материала, которым мы сейчас располагаем ¹³. Некоторые их положения были раскрыты и развиты, другие были уточнены; многое подверглось критике ¹⁴.

Хотя понятие «ареал» (итал. l'area) лежало в основе работы М. Бартоли, оно понималось умозрительно, а не как результат обработки атласов или адекватных им источников, и имело место самое общее значение «пространства», далекое от современного терминологического значения «ареал». Понятия «центр—периферия», проиллюстрированные в основном на материале литературных индоевропейских языков, весьма отдаленно напоминают современные лингвогеографические представления о ядре, переходной зоне и маргинальном ареале.

Несколько в ином направлении пошел в своих рассуждениях Дж. Бонфанте, создавший, исходя из пространственной лингвистики, известную концепцию неолингвистики и выдвинувший ряд новых, подчас неожиданных, положений (например, переоценка роли индивидуального в языке). В частности, Бонфанте считает, что «основа лингвистической географии — это прежде всего семантика»

¹¹ См. подробнее: М. А. Вородина, Проблемы лингвистической географии, М.-Л., 1966, стр. 50—77, 90—108, 109—120.

¹² M. Bartoli, *Introduzione alla neolinguistica*, Genève, 1925.

¹³ См. об этом: Н. Л. Сухачев, Лингвистические атласы и карты, ПЛЯЭ.

¹⁴ См., например: W. M a n c z a k, *La nature des archaïsmes des aires latérales*, «Lingua», 13, 2, 1965.

(разрядка наша. — М. Б.), т. е. именно это — «истинная лингвистика»¹⁵.

Совсем иначе веяния эпохи сказались в концепциях Ф. де Соссюра, который уделил одну из пяти частей своей работы лингвистической географии. Не останавливаясь на деталях и некоторых спорных положениях в понимании диалектологии и лингвогеографии, отметим, что Ф. де Соссюр хотя и в очень лаконичной и схематичной форме предугадал именно то развитие, которое лингвогеография получит в направлении ареалогии¹⁶.

9. Методика ареалогических исследований и два основных направления в романской лингвогеографии. Методика ареалогических исследований прежде всего связана со сложным процессом установления границ ареалов («изоглоссирования»), которые подвергаются дальнейшей интерпретации. Качество этой работы зависит не только от овладения техникой и методами ареалогии, но и от осведомленности исследователя в вопросах как лингвистических, так и внелингвистических. Ареалогия — это та область языкознания, в которой наиболее тесно переплетаются данные лингвистической структуры языка с вопросами истории, географии и других внелингвистических факторов. В романском языкознании на конкретном материале, связанном с обработкой лингвогеографических атласов, это было убедительно показано в работах П. Гардета и его школы.

П. Гардет (1906—1973), автор первого регионального атласа новой серии Лингвистического атласа Франции «Лингвистический и этнографический атлас Лионэ»¹⁷, по праву может быть назван одним из самых видных лингвогеографов нашего времени. Он не поднимает теоретических проблем ареального исследования языка, но вся его деятельность, равно как и его учеников и коллег (Ж. Тюайона, С. Эскофье, Б. Орио, П. Дюрдийи, Г. Жироде, М. Гюнон и др.), вплотную к ним подводит.

Основываясь на материалах региональных атласов и старых текстов, П. Гардет показывает, как франкопровансальская территория оказалась вне общегаллороманского движения: здесь действовали свои законы, свидетельствующие о ее самобытности. Например, лат. *gallina* общее для всехгалло-романских говоров, уступило место собирательному *poulaille* «много куриц», которое впоследствии стало обозначать единичный предмет. Впервые *poulaille* засвидетельствовано в значении единичности в XV в.; в этот период франкопровансальский с центром в Лионе (Lugdunum) был и лингвистически, и социально сформировавшимся центром, вследствие чего инновация *poulaille* была подхвачена и распространена по всей территории франкопровансальского; в других местах тоже наблюдались тенденции к такому распространению, но они не имели успеха. В карте, вычерченной по атласу Лионэ, как пишет ученый, «поражает совпадение ареала *jalena* и области франкопровансальского, за исключением клина (*la roche*) в области Соны-и-Луары»¹⁸. П. Гардетом выявлено значительное количество аналогичных инноваций, свойственных именно франкопровансальскому. Истоки их становятся видны при чтении лингвисти-

¹⁵ G. Bonfante, La dottrina neolinguistica. Teoria e pratica, Torino, 1970, стр. 33.

¹⁶ См.: F. de Saussure, Cours de linguistique générale, Paris, 1971, стр. 269—289. Схемы на стр. 273 могут быть интерпретированы как рассмотрение лингвогеографического ареала в качестве модели языка, схемы на стр. 274 — как понятие изоглоссы и содержания ареала, схемы на стр. 277 и 278 — как понятие ядра и пучка изоглосс.

¹⁷ См.: М. А. Бородина. О «Новом лингвистическом атласе Франции» (сравнительно с атласом Жильберона), ВЯ, 1956, 3; см. также: М. А. Бородина, Sur le développement du francoprovençal, RLR, 25, № 85—86, 1958.

¹⁸ P. Gardette, Aspects du vocabulaire du francoprovençal, RLR, 24, № 95—96, 1960, стр. 360.

ческих атласов, которые показывают связь франкопровансальского с провансальским, в прошлом гораздо более тесную, чем теперь. Большинство карт раскрывает, как этот единый в прошлом ареал ныне распадается¹⁹.

Наряду с трудами, связанными с задачей вычленения франкопровансальского ареала в целом, П. Гардет ряд статей посвятил появлению и истории единичных, раритетных слов, ранее нигде не засвидетельствованных в системе франкопровансальского²⁰. Многие статьи трактуют этимологию слов, решаемые в ареальном плане²¹.

Возможности исследования франкопровансальского расширились с появлением «Атласа Центрального массива» П. Нотона, в котором обследуется прилегающая с запада область окситанских говоров. Это дало возможность П. Гардету выделить западную границу франкопровансальского и дать очерк «контрастных говоров»²². Еще более расширило эту возможность появление «Атласа Юры и Альп», составленного Ж. Тюайоном. Последний служит своего рода территориальным продолжением Лионского атласа П. Гардета, отражая вместе с ним единую франкопровансальскую зону. Обнаружилось, что западная и северная часть франкопровансальского весьма проницаема для литературных волн и что восточный франкопровансальский сохраняет свое единство до наших дней. Лион, который в прошлом был столь активным центром иррадиации франкопровансальских форм и ядром франкопровансальского единства, теперь сам оказывается на территории, размытой литературными волнами, пассивно принимающими французизмы (так, *neige* вместо франкопрованс. *nei, ne, nai*) и при этом не способствует дальнейшему распространению этих слов²³.

Занимаясь вопросами истории, этимологии и семантики франкопровансальского лексического фонда, П. Гардет в своих исследованиях часто прибегал к операциям, связанным с установлением типов ареалов или, как он их иногда называл, «зон»: появляются такие понятия, как «регрессирующий ареал» (размытый или отступающий ареал); на территории схождения двух диалектных зон возможна зона разрушения патуа (*zone de fragilité des patois*), выделяется зона проникновения *я* «официального французского» (*zone de perméabilité du français*), зона неопределенности (*zone d'incertitude*); все эти подтипы объединяются термином «маргинальный ареал»²⁴. Выделение пространственного фактора наблюдается в работах и других диалектологов — Ж. Тюайона, Л. Ремакля, Т. Госсена, а ранее — у Я. Юда и А. Терраше. Однако наиболее последовательно, конкретно и разносторонне это формулируется в работах П. Гардета.

В последних статьях П. Гардета проявляется интерес и к проблемам современной семантики — разграничение формы слова и его содержания, дробление значения слова на мельчайшие единицы (семи), интерес к внутренней форме слова. Публикация статьи его ученика А. Маргирона сви-

¹⁹ P. Gardette, A l'origine du provençal et du francoprovençal. Quelques mots du latin de Lugudunum, RLR, 26, № 101—102, 1962.

²⁰ См.: P. Gardette, Ancien lyonnais *cuer* «qui reste en dernier», RLR, 30, № 117—118, 1966.

²¹ См.: P. Gardette, Étymologie lionnaises et foréziennes, RLR, 24, № 93—94, 1960.

²² P. Gardette, Le Lyonnais et le Massif Central d'après les atlas linguistiques régionaux, RLR, 21, № 83—84, 1957.

²³ P. Gardette, Aspects géographiques du lexique francoprovençal, RLR, 36, № 143—144, 1972.

²⁴ См.: P. Gardette, Recontre de synonymes et pénétration du français dans les aires marginales, RLR, 34, № 135—136, 1970.

детельствует о том, что семантический (компонентный) анализ лексики совместим с задачами пространственных исследований, которые ставил перед собой П. Гардет²⁵.

Успех исследований П. Гардета заключается в том, что он сумел обобщить огромный атомарный материал, связанный с функционированием лексем в разные времена, в четкие контуры ареалов разных типов. Это нашло и внешнее адекватное выражение: П. Гардет предлагает читателю хорошо обозримые схематические карты, в которых отражено только главное.

Наряду с ареальной обработкой все большее распространение получают математические, в том числе статистические, методы обработки диалектного материала, часто в целях его ареальной интерпретации. Ведущее место в этом принадлежит создателю «Лингвистического и этнографического атласа Гаскони» Ж. Сеги (1914—1973), а также его ученикам и коллегам (Ж. Альеру, Кс. Равье, А. Гите и др.).

С самого начала работы над Атласом Гаскони Ж. Сеги занимала разработка точных методов в диалектных исследованиях; его интересовали также вопросы полиморфизма, получившие дальнейшее столь плодотворное развитие впоследствии. Свои теоретические взгляды на язык Сеги сформулировал в статьях «Региональные лингвистические атласы Франции» и «Диалектометрия в Лингвистическом атласе Гаскони»²⁶. Отвечая на столь частый вопрос: «К чему атласы? что с ними делать?», Сеги убежденно защищал лингвистическую географию и отмечал, что во всех областях науки пытаются спасти, сохранить то, что когда-либо было сказано или сделано человеком, но никому в голову не придет спросить, к чему, например, охранять памятники старины или изучать старые обычаи. Сеги определяет диалект (язык), который, по его мнению, служит не только средством коммуникации людей, но и средством их разобщения, непонимания. Представляется спорной точка зрения Ж. Сеги, полагающего, что когда коэффициент дивергенции становится слишком большим, то диалект (говор) отмирает²⁷. Возможно, этот путь и является одним из способов отмирания говора, но чаще мы встречаемся с постепенным отмиранием дивергентных черт, их перерождением в черты региональной речи, «вливанием» диалекта в литературную речь.

Математические построения Сеги первоначально были связаны с проблемой непрерывности лингвистического ареала, т. е. с точными вычислениями степени конвергентности и дивергентности между двумя близлежащими пунктами, — идея и методика Сеги, созревшая более двадцати лет²⁸. Однако в статье «Диалектометрия..», Сеги пришел к более общим вопросам, связанным с применением численных методов к диалектологии и лингвистической географии, отмечая начало этого направления, которое было заложено в работах А. Терраше (1914) и Т. Лаланна (1949). Последние два тома Атласа Гаскони составлены методом точ-

²⁵ См.: A. Marguiron, *Essai sur les structures sémantiques et lexicales des voies de communication dans les parlers lyonnais actuels*, RLR, 37, № 145—146, 1973, а также: M. A. Borodina, V. G. Gak, *Essai sur la structure d'un champ sémantique (langue littéraire — dialecte)*, RLR, 38, fasc. 151—152, 1974.

²⁶ См.: J. Ségu y, *Les atlas linguistiques de la France par régions*, «Langue française», 18, 1973; ег о ж е, *La dialectométrie dans l'Atlas linguistique de la Gascogne*, RLR, 37, № 145—146, 1973.

²⁷ См.: J. Ségu y, *Les atlas linguistiques de la France..*, стр. 85—86, см. также стр. 66.

²⁸ См.: A. Dauzat, J. Ségu y, *L'atlas linguistique de la Gascogne*, «Le français moderne», 1951, 4. Cp.: ег о ж е, *La fonction minimale du dialecte*, «Actes du colloque CNRS sur les atlas linguistiques de la France par régions (Strasbourg 1971)», Paris, 1973.

ного вычисления особенностей, зафиксированных в первых четырех томах (V т. — «Глагол», составитель Ж. Альер, VI т. — «Фонетика, фонология, морфология имени и синтаксис», составитель Ж. Сеги).

Ж. Сеги неоднократно подчеркивал, что составление атласов с использованием численных методов отнюдь не включает в себя интерпретацию материала, что чуждо жанру атласа, а лишь систематизирует и упорядочивает диалектный материал. Весь материал Альер и Сеги обработали вручную, что дало им возможность глубоко продумать методику исследования, названную Сеги «диалектометрией» (по аналогии с «эконометрией», «социометрией» и др.²⁹). Математический подход, примененный к чтению атласа, вытекает из самой сути ареалологии, основоположником которой является Ж. Сеги. Именно ему принадлежит определение ареала как «основного оперативного понятия диалектологии»³⁰, и неслучайно он возвращается к «ареальной диалектологии»³¹. Теоретические рассуждения Сеги нашли практическое воплощение, как в появившемся уже после его смерти VI томе Атласа Гаскони, в сводных картах которого (карты изоглоссы) учитываются не только лингвистическая, но и статистическая характеристики явления, так и в V томе этого атласа, составленном учеником и последователем Сеги — Ж. Альером.

10. Круг вопросов, решение которых подсказано пространственным расположением фактов (ареалом): а) внутрilingвистические — исследование структуры языка (диалекта), семантики и других языковых уровней; б) внешнелингвистические — проблема соотношения литературного языка и диалекта и динамика их развития, границы распространения диалектов и их деление на поддиалекты, языковая непрерывность (или прерывность) территории; в) внелингвистические — связь с историей, этнографией, зависимость от природных условий, а также от культурного и экономического состояния региона, связь слова с реалиями, т. е. вещью, понятием.

Установление ареала — это только техника работы и лингвогеографического исследования; важна его интерпретация, т. е. выявление и подтверждение тех гипотез, которые возникают при чтении ареала и приводят ареалологию к постановке широких задач. Эти задачи сформулированы во введении к «Лингвистическому атласу Европы»: семантические универсалии, фонология и морфология индоевропейских языков, структурное синхронное описание разных языковых уровней, проблемы языковых контактов в родственных и неродственных языках и др. Наряду с этими с собственно лингвистическими задачами поставлены и экстралингвистические задачи: «атлас должен служить также полезным пособием для изучения следов больших культурных движений народов Европы: доиндоевропейские языки, древнейший индоевропейский, взаимоотношение древнейших племен, большие миграции, греческая и римская культуры, соотношение между германскими и романскими языками, а также между славянскими и германскими, переселение викингов, торговые пути — сухопутные и морские, крупные государственные единства последнего тысячелетия, влияние факторов культурных, социальных и религиозных, пути распространения таких современных предметов, как опиум, табак, велосипед и др. Главное внимание будет обращено на проблемы субстрата, адстрата и суперстрата»³².

²⁹ См.: J. Ségu y, La dialectométrie dans l'Atlas linguistique de la Gascogne, стр. 1.

³⁰ См.: J. Ségu y, Les atlas linguistiques de la France..., стр. 86.

³¹ См.: J. Ségu y, La dialectométrie..., стр. 24.

³² См.: «Atlas linguistique de l'Europe (ALE), Introduction. Deuxième projet», par Weijnen, Nimègue, 1972, стр. 2—3.

В первом выпуске материалов к «Лингвистическому атласу Европы» на примере терминов, выражающих понятие «колесо» А. А. Вайнен выделяет две универсальные зоны: а) ром. *rota*, germ. *Rad*, литов. *ratas*, происходящие из **reth-*; б) русск. *колесо*, англ. *wheel*, швед. *hjul*, происходящие из **kweł-*. Эти два ареала являются результатом различий в культуре разных народов и различных контактов между ними. На примере того же понятия М. Л. Алиней, исходя из своей теории семантической плотности лингвистических ареалов, пересматривает некоторые вопросы романзации Италии и возникновения диалектных различий³³.

Этот первый опыт межъязыковой лингвистической географии раскрывает возможности диахронного подхода к синхронным языковым явлениям, которые объективно могут быть исследованы только ареальными методами.

11.1. Романские языки в ареалогическом освещении: внешнелингвистические явления. Основные четыре ареала романских языков имеют по три подтипа: иберороманский — испанский, португальский, каталанский; галлороманский — французский, провансальский, франкопровансальский; италороманский — итальянский, сардский, ретороманский; дакороманский — румынский, молдавский, далматинский. Ретороманский может быть выделен в самостоятельный, пятый, ареал с подразделением на три подтипа: сельвский, энгадинский и фриульский. С точки зрения традиционного романского языкознания, учитывавшего прежде всего литературные языки, иберороманские и дакороманские языки считаются краевыми, в то время как галлороманские и италороманские — центральными³⁴. Эта точка зрения может быть подвергнута критике как со стороны внешнелингвистических данных, так и с позиции структурно-лингвистической организации этих языков. Признание одних языков центральными, других маргинальными в данном случае вытекает из упрощенно понятой географии и тех многочисленных и подчас случайных совпадений, которые существуют между испанским и румынскими языками и которые с равным успехом могут быть найдены для любых других языков. С точки зрения лингвогеографической и ареалогической, учитывающей реальное функционирование языков и диалектов, на карте распространения романских языков центральными следует считать португальский, испанский, французский, итальянский и румынский языки; периферийная область охватывает зоны бытования галисийского, андалузского, каталанского, провансальского, валлонского, сардского, южноитальянского, ретороманского и молдавского языков³⁵.

Перечисленные языковые области представляют на фоне основного деления ряд типичных ареалов: провансальский — тип сплошного ареала, с тенденцией к превращению в размытый ареал; сардский — островной ареал (архаичный); валлонский — маргинальный ареал, находящийся за пределами государственной границы, но не оторвавшийся от основного (сплошного) ареала; ретороманский — промежуточный ареал между восточными и западными романскими языками; каталанский — маргинальный ареал сплошного ареала иберороманских языков, находящийся в пределах государственной границы, но не имеющий контактов с востока.

³³ См.: A. A. Weijnen, M. L. Alinei, The wheel in the Atlas Linguarum Europae. Heteronyms and semantic density, Amsterdam, 1973.

³⁴ См.: M. Bartoli, указ. соч., стр. 6.

³⁵ См. карту и объяснение к ней в статье: M. A. Borodina, La géographie linguistique et la classification typologique des langues et des dialectes romans, сб. «Actele celui de-al XII-ea Congres internațional de lingvistică și filologie romanică», I, București, 1970.

Для того чтобы показать, сколь различны по содержанию могут быть даже подтипы одного ареала, приведем примеры маргинальных ареалов, оказавшихся за пределами основного ареала, но не оторвавшихся от него, т. е. не превратившихся в островные. В пределах зоны распространения романских языков таковыми являются галисийский между португальским и испанским, каталанский на территории Франции, валлонский на территории Бельгии, диалекты Монако (франко-итальянский ареал), Андорры (испанский) и Сан-Марино (итальянский). Переходная франко-итальянская зона, французский и итальянский языки Швейцарии, французский язык в Люксембурге, литературные диалекты Италии, положение исторумынского и молдавского — каждый из этих случаев имеет свою лингвистическую и внелингвистическую специфику, поскольку эволюция разных типов маргинальных ареалов весьма многообразна — от затухания до развития в самостоятельные языки.

Маргинальный ареал, обычно считавшийся архаичным, реликтовым, как показывают новейшие исследования, в равной мере может быть и инновационным. Последнее, как правило, является результатом контактирования маргинала с адстратом, в результате чего рождается новая структура. Так получилось в граубюнденском ретороманском (Швейцария), где органично слились романские и германские элементы, а также в Молдавии — в романско-славянской контактной зоне. В то же время лотарингский диалект французского языка почти не контактирует с соседним германским адстратом.

Традиционно зона распространения романских языков рассматривается как прерывный ареал: дакороманские языки оторваны от остальной территории, и это объяснялось тем, что их область захвачена в результате военной колонизации (а не постепенного покорения римлянами близлежащих земель). Более тщательное исследование зоны «разрыва» показывает, однако, непрерывность романского ареала. Диалектные данные дают возможность реконструировать структуру далматинского (Ж. Мульятч), острова исторумынского, меглено-румынского и арумынского, рассеянные между дакороманским и италороманским массивами, романизмы в албанском — все это говорит не столько о разрыве, сколько о разности непрерывного в прошлом романского ареала, что наглядно показано на одной из карт С. Попа³⁶.

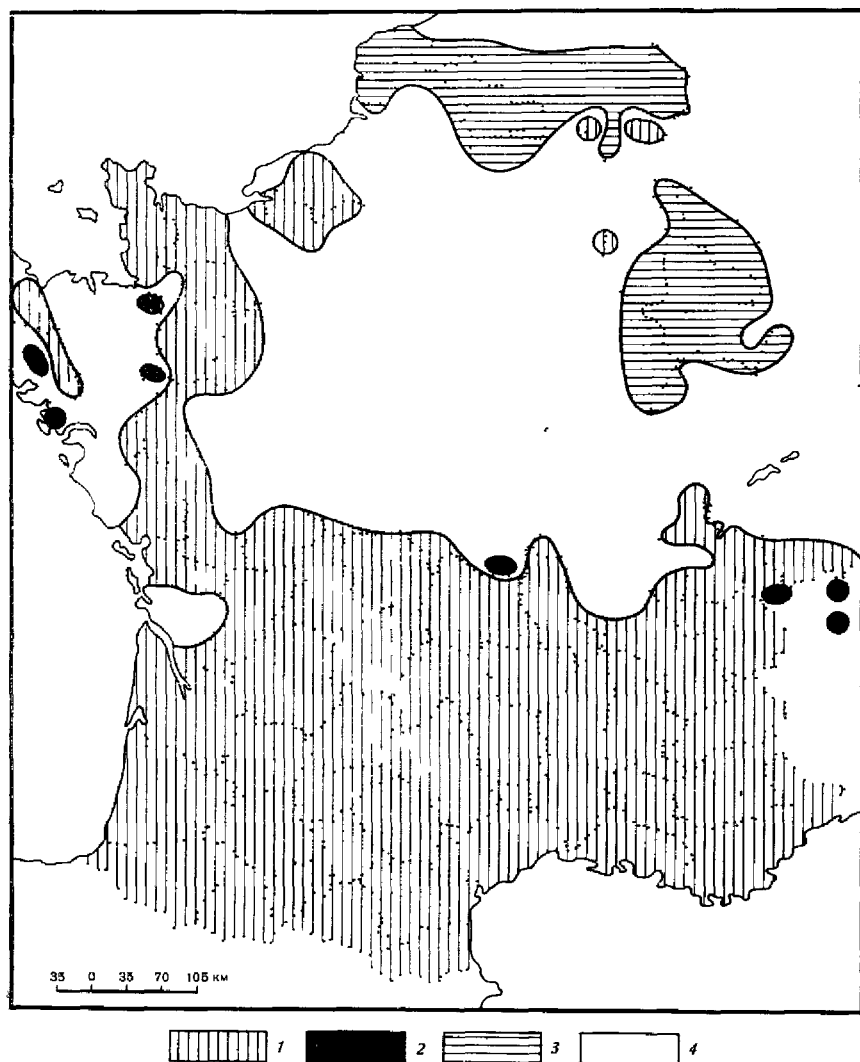
11.2. Собственно-лингвистические явления.

а) Из исторической фонетики французского языка. Развитие одного из наиболее частотных звуков классического латинского *i* > вульг.-лат. *e* в открытом слоге под ударением происходит примерно в течение пятнадцати веков — от раннего вульгарно-латинского периода до XVI в. включительно. Цепочка основных этапов (их всего пять) представляется в следующем виде:

	1	2	3	4	5
класс лат.	вульг.-лат.	VI в.	XII в.	XIII в.	XVII в.
<i>i</i>	> <i>e</i>	> <i>ei</i>	> <i>oi</i>	> <i>ue</i>	> <i>ua</i>
<i>dīgītūs</i>	<i>de, det</i>	<i>dei</i> (i)	<i>doi</i>	<i>due</i>	<i>dua</i>

Все эти этапы, начиная от самого раннего, сохраняются на современной лингвогеографической карте, образуя соответствующие ареалы (см. карта 1). Первый этап — отсутствие дифтонгизации — представлен в

³⁶ См.: S. Pop, La dialectologie. Aperçu historique et méthodes d'enquêtes linguistiques. I. pt. — Dialectologie romane, Louvain — Gembloux, [1951], стр. 670, карта № XLIX «Области, где в наши дни говорят на румынском языке».

Карта 1. *Doigt* (по Лингвистическому атласу Франции, карта 416):
 1 — *de* (говоры Запада), *de, det, dit* (провансальские говоры); 2 — *deɣ*;
 3 — *doɣ, dæɣ, do, dæ, dwo, dwe*; 4 — *dwe, dwa*

провансальском, где он образует сплошной (компактный) ареал, что и характеризует столь весомый и самостоятельный языковой регион в целом, а также западную зону. Второй этап (самая ранняя трансформация — VI в., по Ж. Страка) — расщепление $\bar{e} > ei$ — охватывало в раннестарофранцузский период всю территорию французских говоров и в наши дни сохраняется в единичных островках, расположенных повсюду на периферии французских говоров, нигде не составляя сколько-нибудь компактного маргинального ареала. Третий этап — развитие $ei > oi$ (связанное с огублением *o*, характерным для говоров северо-востока) — распространилось по всей территории французских говоров уже в XII — начале XIII в. В XIII в. начинается переход в *we* (четвертый этап). Это более позднее явление наблюдается в компактной маргинальной зоне на северо-востоке Франции.

Длительный, многовековой период колебаний между формами *we* и *a* не мог не отразиться на лингвогеографической структуре современного ареала; действительно, в центре эти две формы встречаются вперемежку, без перевеса в ту или иную сторону. Соответственно и в городских поддиалектах, равно как и в региональной речи, нередко можно услышать *we*, абсолютно недопустимое в литературном языке. Так, в самом Париже, у людей родом из северо-восточного района Бельвиль, где эти формы были особенно устойчивы, еще и сегодня можно услышать /mwe/ вместо /mwa/ и т. д. (по личным наблюдениям).

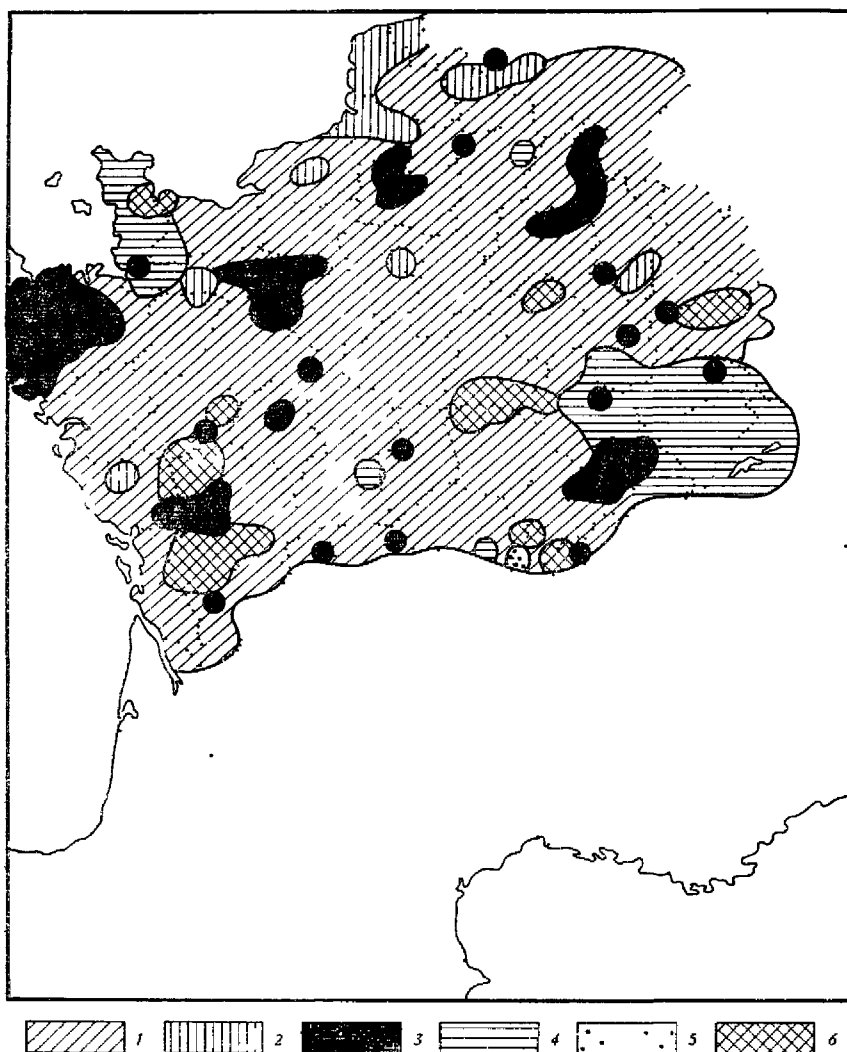
Как показывает современный северо-восточный ареал сохранения стадии *we* < *oi*, а также общая тенденция северо-восточных говоров к лабиализации, первоначально переход *ei* > *oi* произошел на северо-востоке, что отчетливо прослеживается и по письменным документам, согласно которым *oi* возникло на севере (Французская Бельгия) и постепенно спускалось на восток (конец XI в — конец XII в). Центрально-западные говоры сохранили стадию /ei/ иногда с последующей монофтонгизацией в /e/. А. Одриккур в своем структурно-фонологическом исследовании, посвященном франц. *ei* > *oi*, доказал, что северо-восточное *oi* > *we* > *wa* заимствовано центральными говорами, в которых в силу их фонологических особенностей оно не могло развиваться.³⁷

б) Из современной морфологии французского языка. В картах отражается не только проекция в прошлое, но подчас четко выражены и новые тенденции, обусловленные всем ходом исторического развития. В качестве примера приведем особенности флексивного выражения категории рода прилагательных. Старофранцузскому языку, за редкими исключениями, было свойственно четкое флексивное выражение категории рода, поскольку современный так называемый «немой е» произносился. С утратой его произношения (при сохранении написания) в устной форме речи более половины прилагательных утратили форму рода, т. е. стали аморфными (ср. *amer*, *ami*, *âpre*, *bel*, *bleu*, *brave*, *calme*, *cher*, *claire*, *coûte*, *dense*, *dur* и др. производные прилагательные с суффиксами *-able*, *-ace*, *-ave*, *-esque*, *-ible*, *-iste*, *-ique*, *-oire*)³⁸.

Исчезновение в сознании говорящего обязательности категории рода, выраженной в самой форме слова, трудности образования форм этой категории у многих прилагательных, у которых она осталась, привели к дальнейшему распаду флексий прилагательных в народной речи и к еще большей ее деградации в диалектах. В диалектах исчезновение категории рода сказалось в двух противоположных тенденциях. Форма рода выражена, но неправильно — форма рода не выражена. См. на карте 2 ареальное распределение форм прилагательного *vif*, *-ve* «живой, -ая». Поскольку оглушение конечного звонкого согласного в диалектах весьма распространено и закономерно, наибольшее распространение получает аморфная форма *vif*, кстати, характерная и для литературной разговорной речи. Ареал *vif*, *id.* покрывает значительную территорию распространения французского языка. Остальные варианты (включая другие лексемы) представляют собой острова неотогизмов, разбросанные без какой-либо закономерности по всей изучаемой территории. Здесь не наблюдается соотношения ни с диалектными границами, ни с административными или субстратными, конфигурации ареалов однообразны. Исключением является лишь зона франкопровансальского, для которой характерна

³⁷ A. G. Haudricourt, *Problèmes de phonologie diachronique française ei > oi*, в его кн. «Problèmes de phonologie diachronique», Paris, 1972.

³⁸ См. М. А. Бородина, *L'adjectif et les rapports entre sémantique et grammair en français moderne*, «Le français moderne», 1963, 3.

Карта 2. Род прилагательных в говорах Франции (по Лингвистическому атласу Франции, карта 1391 *Vif, vive*): 1 — *vif*, id; 2 — *viv*, id; 3 — *vif*, *vive*, 4 — *vi*, *vive*, 5 — *vi*, id, 6 — другие лексемы (*abil*, id, *avisé*, *-ée*; *gai*, *-te*; *possédé*, *-ée*, *vigoureux*, *-se*, *violent*, *-te* и некот. др)

усеченная и тем самым как бы укрепленная форма муж. рода *vi* (литературная форма жен. рода — *vive*).

Ареальная интерпретация этих двух карт показывает, что, когда речь идет о сохранении старых форм (пример развития $\bar{e} > we$), то их распределение на современной карте неразрывно связано с целым рядом предсказуемых особенностей как экстралингвистических, так и ареальных. Иначе обстоит дело с новообразованиями (развитие прилагательных), возникновение которых связано со структурными взаимоотношениями сугубо лингвистического плана (образования по аналогии, образования, подсказанные фонетическими возможностями, и т. д.), но не с факторами ареального и экстралингвистического плана. Таким образом, карта обьясняет найденные явления, а не только их иллюстрирует, что особенно важно для языков, у которых нет столь большой письменной документации, как, например у фран-

пузского языка, а тем более для бесписьменных и младописьменных языков³⁹.

в) Из сравнительной лексикологии и семантики романских языков. В анкетах романских национальных атласов совпадает некоторое количество вопросов, что позволяет лингвогеографически исследовать общероманский ареал. Рекартографирование на сетке одного масштаба во всех романских языках понятия «виноградная лоза» показало, что лексемы, выражающие это понятие, не совпадают в иберороманском, галлороманском, италороманском и западнороманском ареалах. Более 70 лексем, этимологически не возводимых к лексическому единству, характеризуют эту территорию. Наряду с этим раскрытие внутренней формы названных слов путем их исторического анализа по семам показало, что для всех четырех романских ареалов характерны образования, включающие следующие группы исходных понятий: а) палка, прут, ствол, ветвь; б) нечто вьющееся; в) куст, растение. Для трех романских ареалов в названиях лозы характерны группы исходных понятий: а) дно, основание; б) нога, в) голова, верхушка. На сводной семантической и лексической карте понятия «виноградная лоза» отчетливо прослеживается семантическое единство романского ареала при его лексическом многообразии⁴⁰.

Приведенные выше примеры показывают, что ареал не конструктивное абстрактное понятие, а непосредственно данная языковая действительность. Это не противоречит, однако, тому, что в ареалогии мы можем оперировать обобщенно-условными ареалами, точнее картографическими изображениями ареалов, т. е. картой (обычно условной) как моделью языка. В данном случае речь идет об абстрагировании географической формы, но не лингвистического содержания. Анализ карт показывает также, что ареал — понятие сугубо историческое.

12. Заключение. Понятием «ареал» оперируют самые разные науки — общественные (языкознание, история, этнография), естественные (география, геология, биология), физико-математические (климатология, геофизика). Общее, что объединяет эти науки, — это их отношение к пространству, в связи с чем их называют хорологическими науками, от греч. *choros* «место, площадка (для хора)». Соответственно лингвистическая «изоглосса» транскрипируется в *и з о э т н у, и з о п р а г м у, и з о х о р у, и з о х р о н у* и т. д., а под «изолинией» следует понимать линию, ограничивающую ареал, независимо от его принадлежности к той или иной дисциплине. Изолиния так же, как и ареал, является термином, общим для всех хорологических наук. При разном содержании и различной обусловленности ареалов методика и типология их исследования имеет много общего⁴¹, поскольку в основе ареалогии лежат достижения теоретической географии, точнее — метакартографии⁴².

³⁹ В ареалогии морфологический аспект представлен менее полно, чем другие аспекты языка, несмотря на то, что он является очень существенным. См. об этом: Г. Ф. Благова, К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии, ВЯ, 1972, 5, где именно исходя из морфологического материала выделяется ряд методических принципов ареальных исследований.

⁴⁰ См.: М. А. Бородина, П. И. Рошка, С. П. Николаева, С. А. Кокошкина, Опыт рекартографирования и интерпретации общероманского ареала, ПЖЯЭ.

⁴¹ См.: А. И. Толмачев, Введение в географию растений, Л., 1974, стр. 15—110 «Основы учения об ареалах»; М. А. Бородина, О типологии ареальных исследований, ПЖЯЭ, а также: A. Guiter, *Geographie linguistique et biogéographie*, «Revue des langues romanes», 76, 1964.

⁴² См.: В. Бунге, Теоретическая география, М., 1967, а также: А. Ф. Аслашвили, Метакартография. Основные проблемы, Тбилиси, 1974; Д. Харвей, Научное объяснение в географии. Общая методология науки и методология географии, М., 1974.

Из зарубежных романских диалектологов и лингвогеографов ближе всего к ареалогии подошел П. Гардет. Теоретически, однако, достижения ареалогии суммированы Ж. Сеги. Именно этот ученый, полагавший, что в плане эвистемологии диалектный факт должен вызывать не меньший интерес, чем другие аспекты языка, например, углубленное исследование стандартных языков, подчеркивает: «совсем недавно в диалектологии появились первые обобщения, и отныне диалектологи должны стараться влиться в общее языкознание»⁴³.

Ареалогия — это область исследований, тесно связанная с изучением всего многообразия конкретной языковой действительности. Исследование языка в этом направлении помогает обобщенно отразить действительность и тем самым глубже познать ее закономерности. Представляется, что лингвистические атласы как основные источники ареалогии вернут диалектологии ее истинное значение для языкознания, характеризовавшее диалектологию XIX — начала XX в. Впоследствии из-за первоначальных трудностей, которые испытывали составители атласов и их читатели, а также из-за положения Ф. де Соссюра, относившего диалектологию и лингвогеографию к экстралингвистике⁴⁴, на некоторое время первостепенное значение диалектологии было утеряно.

В заключение суммируем понимание терминов ареальных исследований. В сферу ареальных исследований входят: а) индоевропейская ареальная лингвистика, б) диалектология, в) лингвистическая география и г) ареалогия. Индоевропейские ареальные исследования базируются в основном на гипотезах и косвенных источниках: диалектология изучает определенный идиолект или систему идиолектов преимущественно в «полевых» условиях; под лингвистической географией (или лингвогеографией) понимается составление атласов и их первичная обработка, в то время как ареалогия, извлекая данные пространственных расположений из лингвистических атласов и других достоверных источников, путем построения системы ареалов и их моделирования способствует раскрытию истории лингвистического явления. Таким образом, ареалогия не занимается ни собственно диалектологией, ни созданием атласов, ни целенаправленно праиндоевропейскими проблемами (на которые, однако, могут быть транспонированы ее закономерности); она связана прежде всего с реконструкцией письменных, но также и бесписьменных языков⁴⁵ и тем самым может оказать неоценимые услуги сравнительно-историческому языкознанию.

Что касается термина «пространственные исследования», то он в известной мере синонимичен термину «ареальные исследования», но его лучше избегать, поскольку близкий термин «пространственная лингвистика» (равно как и термин «неолингвистика») относится к области истории лингвистических учений.

⁴³ J. S é g u y, Les atlas linguistique de la France par régions, стр. 85—86, 88.

⁴⁴ F. de S a u s s u r e, указ. соч., стр. 41, 261.

⁴⁵ Система понятий ареалогии, разработанная на материале языков, для которых составлены лингвистические атласы и которые располагают достаточным количеством старых текстов, может быть применена также к младописьменным и бесписьменным языкам.